

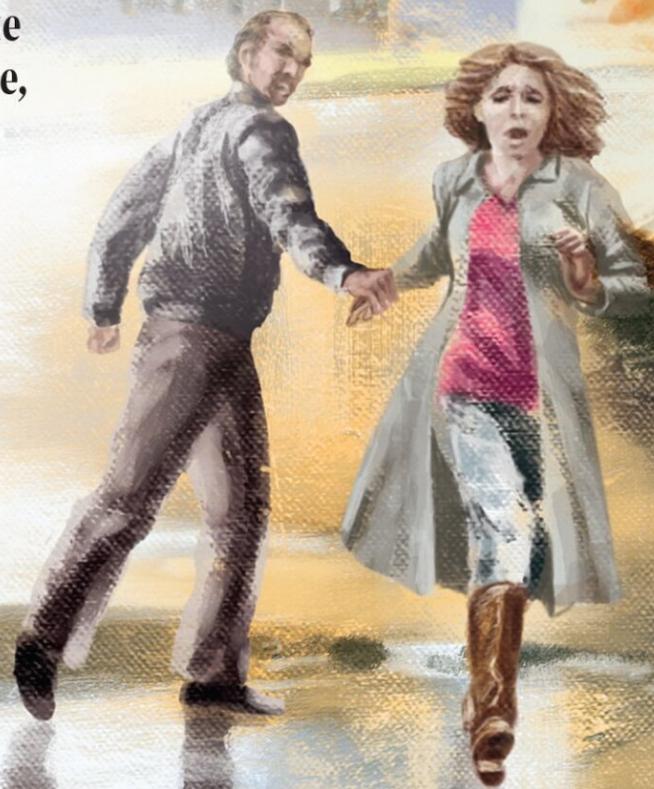
МАРИЯ ВОРОНОВА

роман

БЕЗ ПОДВОДНЫХ КАМНЕЙ

Неожиданный взгляд на хорошо известную ситуацию... Неожиданные аргументы в старом споре, в котором, кажется, все уже сказано... Момент переосмысления у каждого свой, но если он наступил, то книги Марии Вороновой станут надежной опорой.

А. МАРИНИНА

Суд сердца. Романы М. Вороновой

Мария Воронова

Без подводных камней

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Воронова М. В.

Без подводных камней / М. В. Воронова — «Эксмо»,
2021 — (Суд сердца. Романы М. Вороновой)

ISBN 978-5-04-157422-2

Судье Ирине Поляковой наконец поручают простое дело – бывшая жена известного драматурга Ветрова в состоянии аффекта убила его нынешнюю супругу, молодую актрису Веронику Павлову. Психиатрическая экспертиза признала женщину невменяемой, суду нужно всего лишь направить ее на принудительное лечение. Сомнений нет – улики красноречивы, а родственники и коллеги свидетельствуют, что странности в поведении Валерии Михайловны наблюдались давно. И только неугомонная Гортензия Андреевна задается вопросом – а с какой целью Вероника хотела встретиться с Валерией Михайловной?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157422-2

© Воронова М. В., 2021
© Эксмо, 2021

Мария Владимировна Воронова

Без подводных камней

© М.В. Виноградова, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Не успела закрыться дверь за последним пациентом, как Шубников вскочил и скинул заранее расстегнутый халат, но Клавдия Константиновна преградила ему дорогу к свободе.

– Свидание с пивным ларьком придется отложить, Александр Васильевич.

– Чего это?

– Главврач немедленно требует вас к себе.

– Ну уж нет! – Шубников схватил часы, которые снимал с руки во время приема, и многозначительно постучал пальцем по циферблату: – Рабочее время кончилось!

Сурово приподняв левую бровь, медсестра заметила:

– Это прием закончился, Александр Васильевич, а рабочее время – нет.

– Может, скажете, что меня на вызов дернули? – заныл Шубников, – а до завтра она забудет...

– Идите, доктор. Вы же не знаете, зачем она вас пригласила.

– Ну явно не затем, чтобы премию вручить. Или почетную грамоту.

– Да, – вздохнула Клавдия Константиновна, – это крайне маловероятно.

– Ну вот...

– Идите-идите.

Шубников снова надел халат и, не застегиваясь, побежал на второй этаж, перебирая в памяти свои прегрешения. Было их не так чтобы мало, но по опыту он знал, что сильнее всего получишь именно за то, в чем нисколько не виноват.

Медкарты на столе главврача образовывали настоящий бастион, из-за которого виднелась только ее макушка.

– Ой, кто это к нам пришел, – пропела она, – сразу и не разберешь, то ли ведущий хирург поликлиники, то ли санитар из морга.

Шубников вздернул подбородок и халат застегивать не стал.

Главврач вышла из своего укрытия. «Ой, а кто это, – мысленно передразнил Шубников, – то ли главврач, то ли торговка с Кировского рынка». Таисия Михайловна была полная брюнетка лет сорока с короткой стрижкой и челкой, высветленной по последней дикой моде, к которой Шубников еще не успел привыкнуть.

– Саша, ну что за вид, – приблизившись, главврач поправила ему перекрутившийся воротник халата, – хирург – это ведь лицо поликлиники. Как думаешь, мне приятно, что у нашего учреждения такое помятое лицо?

– Что звали-то?

– Ах да! – Таисия Михайловна улыбнулась и легонько стукнула себя по лбу, – сообщаю вам, дорогой Александр Васильевич, что пришло время исполнить ваш гражданский долг!

– Я уж исполнил. С горюшкой.

– Не воинский, а гражданский.

Не понимая, куда она ведет, Шубников почесал в затылке. Главврач засмеялась:

– Помните, мы вас выбрали народным заседателем?

– Нет.

– Ну как же? Это единственная общественная нагрузка, которую вы любезно согласились нести.

– Но я думал, что меня никогда не вызовут. Врачей ведь обычно не дергают?

– Обычно нет. Но тебя возмездие все-таки настигло. Короче говоря, ноги в руки и топай в суд.

– Сидеть там, слушать все эти дрызги?

– Сидеть там, слушать все эти дрызги.

– Да ни за что! Вы же можете меня не пустить по производственной необходимости?

– А у меня ее нет, – Таисия Михайловна торжествующе ухмыльнулась.

– Как это нет? Что ж, Селиверстова одна останется?

– Ну так остается же, когда ты в отпуске, и наоборот. Ничего страшного.

– А она не согласится!

– Да что ты говоришь! Я ей полставки подрисую за расширение зоны обслуживания, она только рада будет.

– Она дура.

Главврач нахмурилась и скрестила руки на груди, став похожей на Наполеона, только толстенького и в белом халате:

– Дура не дура, Сашенька, зато у нее всегда талоны вовремя сданы, инвалидности оформлены, карточки написаны, а с тобой я как на пороховой бочке. Ты то с похмелья, то пьяный, то вообще... Будто и не знаешь, что страна взяла курс на борьбу с алкоголизмом.

Шубников пожал плечами.

– Клава хоть отдохнет от тебя, – продолжала главврач, – ты подумай, я тебе дала лучшую медсестру во всей поликлинике, а ты ее за полгода в тяжелую невротичку превратил. Она за тобой смотрит как за малым ребенком, половину твоей работы делает, ты хоть это понимаешь?

– Это понимаю.

– Ну вот и иди в суд. Посмотришь кстати, до чего пьянство людей доводит. Если тебя цирроз не пугает, может, хоть зрелище моральной деградации на какие-то мысли натолкнет.

– Не натолкнет. Меня перевоспитывать – дохлый номер.

Таисия Михайловна поморщилась и вдруг погладила его по плечу так мягко, будто он был ей родным человеком.

– Ах, Саша, Саша, – она покачала головой, – как достучаться до тебя?

Он резко отступил.

– А никак! Я работу свою делаю, а остальное вас не касается.

– Зря ты дистанцируешься от коллектива.

– Знаете, Таисия Михайловна, я еще не до такой степени морально деградировал, чтобы сунуться в дружный женский коллектив.

– Побрейся хотя бы перед заседанием.

Главврач села за стол и раскрыла верхнюю карточку, очень пухлую, в картонном переплете с изъеденными временем уголками. Корешок был подклеен розовой цветной бумагой под мрамор, некая праздничная заплатка на мрачной летописи болезней. Пробормотав, что все понял, Шубников быстро ушел, пока Таисия Михайловна не выхватила его запись с какой-нибудь чудовищной ошибкой.

Хотя... Лучше было бы получить очередной нагоняй, чем узнать, что с понедельника ему придется ходить в суд. Это даже хуже, чем на учебу. Впрочем, нет, на учебу все-таки хуже, ведь в суде не встречаешь на каждом углу старых знакомых.

После антисептиков и ламп дневного света ленинградский воздух казался ему свежим и сладким, как сама свобода. Выйдя на крыльцо поликлиники, Шубников потянулся, резко выдохнул, напугав, кажется, при этом небольшой отряд бабушек, готовящийся к атаке на регистратуру, и подставил лицо ласковому сентябрьскому солнцу.

Облетали с кленов первые листья, расцветившая багряними и рыжими крапинками еще по-летнему сочные изумрудные газоны. Под бледным хрустальным небом природа готовилась к своей прекрасной агонии, именуемой золотой осенью.

Остановившись возле пышного куста шиповника, усыпанного алыми плодами, блестящими под солнцем, как капли свежей крови, Шубников достал сигаретку. День выдался такой ясный, что не разглядеть язычка пламени, и Александр только по теплу в руке понял, что зажигалка сработала.

На крыльце поликлиники показалась Клавдия Константиновна, стройная, подтянутая и прямая как доска, в старомодном двубортном плаще и туфлях на плоской подошве, она очень напоминала английскую гувернантку из благородного семейства. Шубников никогда не видел гувернанток вживую, но по книжкам составил себе именно такое представление.

На всякий случай он отступил подальше за куст. Если Клавдия его заметит, то придется идти вместе до метро, а о чем разговаривать со своей медсестрой вне работы, Шубников не имел ни малейшего понятия.

Запах разогретого пыльного асфальта, и так редкий гость в Ленинграде, совсем скоро растворится в мелких хмурых дождях и уйдет до следующего лета. И кто-то сегодня вдыхает его последний раз...

В детстве и юности все было ясно, лето кончалось, но разноцветные кленовые листья символизировали не умирание, не конец, а начало нового учебного года, встречу с друзьями, приключения и открытия, словом, жизнь продолжалась. То же и в студенчестве, а потом Шубников повзрослел и стало ясно, что однажды все кончится и ничего не начнется.

Он улыбнулся, отгоняя тяжелые мысли, и выглянул из-за куста. Клавдия уже повернула на проспект, значит, можно и ему выходить.

Миновав сквер, Александр дошел до углового дома и поморщился. Еще два месяца назад здесь была очень душевная разливуха, но теперь в рамках борьбы с пьянством и алкоголизмом ее спешно переоборудовали в соковый бар. Отмыли, покрасили стены в приятный песочный цвет, на прилавок поставили модные стеклянные коробки с соками, вниз – холодильник с мороженым. Хочешь по отдельности бери, а хочешь в виде коктейля «Айсберг». Местные алкаши в шоке, а радуются реформам только восьмиклассники, которые теперь могут пить коктейли через трубочку, как в иностранных фильмах. И так по всему городу теперь. Распивочные варварски переоборудованы, магазины торгуют только с четырнадцати до девятнадцати, цены подняли, на предприятиях организуют общества трезвости... Даже у них в поликлинике создали, хотя в этом богоугодном заведении пьющий только он.

Возле винного магазина выстроилась длинная пестрая очередь. Стояли и конченные алкоголики, и приличные мужчины в костюмах, и молодые женщины, явно смущенные, что оказались в таком неподобающем для себя месте. Шубников прошел мимо с неким чувством превосходства. Он врач, черт возьми, и если больной, вопреки заветам наркома Семашко, за почти семьдесят лет советской власти так его и не накормил, то должен хотя бы напоить в это нелегкое для страны время.

Тут Шубников вспомнил, что с понедельника идет не на работу, а в суд, где ему вряд ли кто-то что-то поднесет, и настроение испортилось.

* * *

Фонтанка сверкала и искрилась под солнцем, легкая рябь волн отражалась на потолке Иринино кабинета, и казалось, будто это какой-нибудь древний бог раскинул невесомую золотистую сеть, чтобы затянуть в нее незадачливую судью, только что вышедшую из отпуска.

Ирина с грохотом передвинула строку в пишущей машинке, встала, закрыла кабинет и вышла на набережную, решив провести обеденный перерыв на улице.

Вдруг дачный загар благодаря этому продержится на пару дней дольше...

Ирина знала, что смуглость ей идет, и в молодости тратила много времени и сил, чтобы тело приобрело ровный коричневый оттенок, исключая зону трусиков и лифчика, но непре-

менно «без лямок». А теперь загар у нее крестьянский: лицо, шея да руки... Впрочем, и на том спасибо, могли вообще отпуск дать не летом, а в ноябре. Ирина облокотилась на теплую чугунную решетку и глубокомысленно уставилась на пляску искр по черной воде.

– Ах, Ирочка, на что мы тратим нашу жизнь, – вдруг услышала она. Это председатель суда встал рядом с нею.

Ирина улыбнулась.

– Все крючкотворничаем, роемся в бумагах, а солнышко, вот оно, – Павел Михайлович посмотрел в небо и прищурился, – светит всем, и правым, и виноватым.

На это было что возразить по существу, но не хотелось портить момент казенщиной, поэтому Ирина промолчала, закрыла глаза и подставила лицо солнечным лучам и еле уловимому прохладному ветерку с реки.

Послышался шум и плеск волн о гранитный берег – это приблизился экскурсионный катер. Гид что-то говорил в мегафон, но Ирина улавливала только учительскую интонацию, а слов было не разобрать.

Надо бы свозить детей на эту экскурсию по рекам и каналам, да и она сама ни разу не была, хоть всю жизнь прожила в Ленинграде. На «Метеоре» в Петергоф однажды ездила, но давно, еще в начальной школе. Неприятное воспоминание царапнуло, как звук ножа по стеклу, и вывело Ирину из блаженного умиротворения.

Она открыла глаза и посмотрела вслед катеру. Вся верхняя палуба заполнена детьми, девочки в форменных платьицах с белыми фартуками и бантами, мальчики в синих курточках. По периметру, как часовые, стоят женщины, немного, человек пять. Ирина присмотрелась. Красных галстуков на детях не видно, значит, это начальная школа, ребятишки еще послушные. Пионеров такими хилыми силами в узде не удержишь, тут даже взвод опытных конвойных не даст гарантии.

Так и она когда-то поехала на экскурсию с классом, приуроченную к окончанию учебного года. Мама процедила: «Поступай как знаешь», и выдала пятьдесят копеек на дорогу. Ирина тогда впервые испытала ту полную растерянность, которая вызывает почти физическую боль, когда тебе одновременно и запрещают, и разрешают и ты понятия не имеешь, где тут правда и что тебе делать. На словах одно, а тон, жесты, выражение лица – абсолютно противоположное, чему верить, какое решение принять? Тогда Ирине очень хотелось на экскурсию, и она решила поверить маминым словам и полтинничку. Ведь если бы мама действительно запретила ехать, она не дала бы денег, верно? Оказалось, нет. По возвращении с экскурсии Ирину ждал грандиозный скандал, где ей было сообщено, что она бездушная и черствая девчонка, дрянь неблагодарная и эгоистка, думающая только о своих удовольствиях. Хвостом вертит и знать не хочет, что мать волнуется, не случилось ли с ней там на природе какого несчастья, и вообще на этот день была запланирована генеральная уборка. А кроме того, пятьдесят копеек сумма, конечно, небольшая, но Ира должна была в первую очередь спросить себя, а заслужила ли она, чтобы эти деньги были потрачены именно на ее развлечения? На робкие возражения, что она же разрешила, мама ответила хрестоматийной фразой «сама должна понимать» и что ей очень хотелось убедиться, что ее дочь добрая и разумная девочка, которая заботится о своих близких. Но, увы...

Ирина поморщилась, вспомнив, как болела душа после того скандала. Потом, с годами, она нарастила панцирь, научилась лавировать между интонацией и словом, нести груз несуществующей вины и поняла, что все, что не разрешено, – запрещено, а тогда чуть не задохнулась от сознания собственной мерзости. В общем, дорого ей тогда далась та экскурсия, так дорого, что даже сегодняшний день пришлось за нее заплатить, ведь настроение испортилось окончательно.

Вот так, ловим погожие деньки, радуемся солнцу и проклинаяем ненастье, и не считаем, сколько часов проводят наши близкие в отчаянии из-за наших походя брошенных слов...

Ирина развернулась, собираясь уходить, но Павел Михайлович придержал ее за локоть:

– Куда же вы? Постоим.

– Работы много.

– Чтобы хорошо работать, надо хорошо отдохнуть, – председатель наставительно поднял указательный палец, – так давайте полноценно насладимся законным обеденным перерывом.

– Давайте. Но работы все равно много.

– Камень в мой огород?

«Сам должен понимать!» – подумала Ирина и засмеялась. Умение завиноватить передается по женской линии из поколения в поколение, никуда ты от него не денешься.

– Ира, бог свидетель, вы моя любимица, и я изо всех сил стараюсь расписывать вам самые простые дела. Разве моя вина в том, что вы превращаете их в процессы века? – председатель засмеялся. – Но на этот раз не волнуйтесь, действительно простое дело я для вас припас.

– Н-да?

– Точно-преточно! Вам даже приговор выносить не придется, только решение.

Ирина нахмурилась:

– Уж не дело ли жен Ветрова вы мне хотите поручить?

– А вы проникательны, – поднял брови председатель суда.

– Павел Михайлович...

– Дело громкое, но простое, – перебил он, – вы будете опираться на компетентное суждение экспертов, лучших специалистов в этой области у нас в городе, а то и во всей стране.

– Что это вся богема мне? – всплеснула руками Ирина. – Вдруг Иванов с Табидзе тоже хотят?

– Не хотят.

– Так и я не хочу! Правда, Павел Михайлович! В конце концов, я люблю смотреть кино и читать книги, поэтому знать, как они делаются, совершенно не стремлюсь.

– По принципу докторской колбасы? – усмехнулся председатель.

– Вот именно.

– Ну уж простите, придется пожертвовать вашим эстетическим чувством ради торжества справедливости!

– Чего это? – буркнула Ирина.

Взяв ее под руку, Павел Михайлович очень мягким тоном заметил, что из всех его сотрудников именно Ирина умеет взглянуть на ситуацию непредвзято, взглядом, свободным от догм и стереотипов, а кроме того, она женщина, стало быть, милосердие и гуманность ей присущи от природы.

Что ж, повода заявить самоотвод не видно, значит, и капризничать дальше смысла нет. Дело и впрямь простое, от Ирины, по сути, всего лишь требуется узаконить профессиональное заключение, сделанное психиатрами мирового уровня, в квалификации которых она уверена на сто процентов. Прямо скажем, задача не «со звездочкой», поэтому надо вернуться на рабочее место, попить чайку, съесть бутербродик с докторской, кстати, колбасой, и изучить это громкое, но простое дело, о котором она знала, как все ленинградцы, но в подробности предпочитала не вникать, догадываясь, что именно ей придется быть судьей на этом процессе.

Сполоснув чашку, Ирина позвонила домой. Вернувшись с дачи, Егор заявил, что уже взрослый и способен сам ездить в школу и обратно, как делают другие пацаны из его класса. Сердце Ирины сжалось, ведь раньше сын был если не с нею, то под присмотром взрослых, пользовавшихся ее доверием, а теперь он будет сам за себя отвечать. Сможет ли?

Огромный соблазн был заявить, что Егор мал еще, нос не дорос, а мир смертельно опасен, и только безответственные родители, которые не любят своих детей, выпускают их одних на улицу. Очень хотелось напугать, застрашать, что без материнского пригляда сын обязательно попадет под машину или в руки преступника, потому что он безалаберный, доверчивый и не

смотрит по сторонам. И ничего, что она подорвала бы сыну психику, зато сама не изнывала бы всю первую половину рабочего дня, не в силах сосредоточиться на делах, пока не услышит в трубке голос Егора. Да, наверное, так и надо было поступить, но Ирина решила, что она все равно уже тяжелая невротичка, так пусть хоть у Егора будет шанс вырасти нормальным человеком.

Первые два дня это была пытка, Ирина металась по кабинету, воображая себе всякие ужасы, одновременно проклиная за мнительность, и не могла понять, как лучше – не думать плохого, чтобы не накликать беду, или, наоборот, чем больше ужасов она вообразит, тем меньше случится в реальности.

Только когда Егор по телефону докладывал, что пришел домой, Ирину отпускало, и она становилась трудоспособной. Но человек привыкает ко всему, привыкает и к тревоге, вечному уделу всех матерей. Дети вырастают, уходят в большой мир, который полон опасностей и жесток, но другого-то не существует. Альтернатива только у матери под юбкой...

К концу недели Ирина научилась не замечать своего беспокойства, как, бывает, привыкаешь к гудению трансформаторной будки или к стуку колес, если живешь возле железной дороги.

Однако после двух часов дня все начинало валиться из рук, строчки уголовных дел расплывались перед глазами, и даже дышать становилось труднее, пока Егор не докладывал, что дома, сейчас пообедает и пойдет во двор гонять мяч с пацанами, ибо надо проветрить голову перед тем, как делать уроки.

Сегодня она сама набрала домашний номер, долго слушала длинные гудки, и только когда сердце сжалось от страха, раздался щелчок снимаемой трубки, а вслед за ним голос Егора.

Проинструктиввав сына, чтобы, как поест, сразу обязательно шел гулять, пока погода хорошая, Ирина разъединилась.

Ну все, на сегодня главное испытание закончено, можно сосредоточиться на деле. Даже спешить домой не обязательно, потому что Кирилл работает в первую смену и заберет Володю из яселек, а заодно поможет Егору с уроками, если возникнет такая необходимость. Или все-таки поторопиться и отпустить мужа на тусовку с друзьями по рок-клубу? С тех пор как пришел к власти новый молодой генсек, появилось в обиходе новое словечко «ускорение», ударение в глаголе «начать» сместилось на первый слог, а в слове «углубить» – на второй, но ведь действительно все как-то ускорилось, зашевелилось, в том числе и Ленинградский рок-клуб осторожно высовывал «мордочку» из подполья, как весной сурок из норки. Обидно будет, если музыканты перейдут на легальное положение, а Кирилла, стоявшего у истоков рок-движения, оставят за бортом. Да, в последние годы он заматерел, из юного бунтаря превратился в отца семейства, но талант никуда не делся, Кирилл Мостовой по-прежнему пишет прекрасные душевные песни и поет тоже очень хорошо. К слову сказать, приверженность року и протесту против всего сущего нисколько не мешает его друзьям из тусовки быть прекрасными мужьями и нежными папашами. Нет, разная там публика, но в близком окружении Кирилла в основном приличные люди. Сумасшедшие, конечно, как все поэты, но не конченные. Не алкоголики и не наркоманы. Вот тоже зло, о котором начали осторожно говорить вслух после прихода к власти нового генсека. Раньше наркотики воспринимались как что-то экзотическое, как какая-нибудь тропическая лихорадка, которая существует, конечно, но где-то среди диких племен Африки и вероятность с ней столкнуться у тебя нулевая. Да, на загнивающем Западе вроде бы распространено сие зло, и у нас в начале века нюхала кокаин агонизирующая богема, но Великая Октябрьская революция положила конец всем этим безобразиям.

Ирине по долгу службы приходилось знать, что это не совсем так и наркоманы в Союзе есть, но их, слава богу, так мало, что, скорее всего, ты проживешь жизнь, ни разу не столкнувшись с ними.

Она не была уверена, что нужно направлять на эту проблему прожектор общественного внимания, особенно теперь, когда началась борьба с алкоголизмом, ну да кто она такая, чтобы знать, как лучше. Как говорил Гиппократ, афоризмы которого любит цитировать Лида, жена Евгения Горькова, жизнь коротка, путь искусства долог, удобный случай скоропреходящ, опыт обманчив, суждение трудно, и очень может быть, что великий грек имел в виду не только медицину... Разве что у ленивого сейчас нет четкой и ясной программы коренного преобразования государства. Ночью разбуди любого, и он тебе тут же скажет, почему мы живем плохо и что надо сделать, чтобы жить хорошо. Только, увы, в жизни никогда не бывает как надо и как правильно, и стишок «гладко было на бумаге, да забыли про овраги» описывает не частный случай, а всю подлую сущность нашего бытия.

С тяжелым вздохом Ирина потянулась к томику уголовного дела. Обеденный перерыв закончился, пора оставить мысли о судьбах родины и заняться своими прямыми обязанностями.

Посмотрим, что за простое дело ей расписал уважаемый Павел Михайлович...

* * *

Вероника Павлова дебютировала на киноэкране лет пять назад, исполнила роль юной чекистки в приключенческом фильме о первых годах советской власти. Фильм не отличался оригинальностью замысла, мужественные и прекрасные сотрудники ЧК ловили шайку бывших белогвардейцев с переменным успехом до тех пор, пока один из бандитов не признал превосходство коммунистической идеологии и не сдал всю малину с потрохами.

В принципе, стандартная агитка для детей и юношества, но сюжет был выстроен довольно бодро, диалоги написаны живенько, трюки выполнены на высочайшем уровне, замечательные актеры и опытный режиссер помогли дебютантке вполне сносно справиться с ролью вешалки для черной кожаной куртки и портупеи, так что фильм завоевал сердца зрителей, а Веронику пригласили в картину по мотивам рассказов Чехова, и с классикой она не справилась. Когда Ирина, включая телевизор, попадала на этот фильм, а показывали его часто, то, глядя на кривляния Павловой, почему-то испытывала неловкость, будто сама делала что-то стыдное. Конечно, Вероника была красавица, большие глаза, идеальной формы носик, маленький пухлый рот, хорошая фигура, вроде бы все на месте, но при этом она не притягивала к себе взгляды, не хотелось на нее смотреть, как, например, на Ирину Алферову или Софи Лорен. Да, красивая женщина, но какая-то скучная. Если по Заболоцкому, то сосуд, в котором пустота, а не огонь, мерцающий в сосуде.

После этой, мягко говоря, творческой неудачи о Веронике долго не было слышно, пока внезапно ее красивая физиономия не возникла на развороте журнала «Огонек», откуда град и мир могли узнать, что Павлова теперь не просто так, а молодая жена и муза столпа советской драматургии Филиппа Ветрова. Интервью было с ним, но Вероника тоже поучаствовала, рассказала корреспонденту, как помогает мужу создавать шедевры, ну и о том, какой в принципе должна быть хорошая жена, тоже поведала.

Ирина тогда уже вышла замуж за Кирилла, ждала Володю, но все равно зависть и досада чуть не разорвали ей сердце во время чтения того сусального интервью.

Каким секретом, черт возьми, владеют женщины-разлучницы? Как умеют выкорчевать мужчину из семьи? Почему к одним уходят, а другие десятилетиями живут в унижительном положении любовниц, стараются изо всех сил, но так и остаются на обочине жизни?

Ирина вздрогнула от ужаса, подумав, что, если бы не Кирилл, сейчас до сих пор она бы куковала любовницей женатого мужика, меняя верное и преданное служение на торопливое совокупление раз в неделю. Брр...

И ведь не одна она была такая, явление массовое, недаром даже пуританская советская культура откликнулась фильмом «Осенний марафон». Причем ладно были бы профессиональные любовницы, как в старые времена, я тебе удовольствие, ты мне деньги, и до свидания, но ведь нет. Отдаются за пустые обещания, за сказки о великой любви, которая одновременно и цель, и болеутоляющее, чтобы хоть немного смягчить свое невыносимое положение. А самое ужасное, что идут на это не дуры и не проститутки, а наоборот, хорошие женщины, которые в других сферах жизни безупречны и с любовником своим кристально честны.

Откуда это берется? Оттого, что «на десять девчонок по статистике девять ребят»? Да если вдруг ты не слышала этой песенки, что крайне маловероятно, то все равно с молоком матери впитала, что муж – товар дефицитный, на всех не хватит, а без него стыдно. Семья для женщины на первом месте, если не стала женой и матерью, так и родиться незачем было. Любой ценой займешь себе мужа, укради, высиди, перемани с чужого двора эту скотину, и не смотри, что худородная, лишь бы было... Или оттого, что первый навык, который получают дочери в каждой достойной советской семье, – это умение переступить через себя. Неважно, что ты там думаешь и чувствуешь, какие у тебя моральные устои и принципы, ты девочка, значит, должна быть удобной, уступчивой и «а ну-ка делать, что говорят!» беспрекословно и немедленно. Короче говоря, право дышать нужно еще заслужить. И конечно, боже мой, конечно же ты в ответе за всех, кого приручила, то есть за весь мир. Это правильный афоризм, но для взрослого человека, а ребенку, поданный без должных разъяснений, да еще с романтическим придыханием и закатыванием глаз, исключаящим всякий анализ, он просто ломает хребет, вот и все. Особенно, если это девочка, которой чуть ли не с пяти лет объясняют, что она будущая мать, а значит, должна учиться соответствовать высокому званию. Такая девочка очень быстро понимает, что все зависит от нее, ни от кого больше. Нет плохих людей, это ты сама не дождала, не постаралась, не позаботилась, не заслужила. Родители-то неизменно идеальные, а потому нужно равняться и стараться. Вдобавок надо помнить, что и мужа тоже делает женщина, не говоря уже о детях.

«Так и живем, – пробормотала Ирина, осторожно переворачивая страницу дела, чтобы ненароком не порвать тонкую зеленоватую бумагу, – любовница годами, а то и десятилетиями доказывает, что достойна быть женой, жена, которая все знает, из кожи вон лезет, чтобы перещеголять любовницу если не в красоте, то в хозяйственных достижениях и нежности, а потом является такая вот Вероника, которой в детстве мама забыла объяснить, что счастье даром не дается, и в одну секунду отбирает мужика у двух идеальных женщин».

Молодая артистка выдернула драматурга из многолетнего брака, неизвестно, счастливого ли, но дважды благословленного потомством, а имел ли Ветров связь на стороне, следствие не установило. Филипп Николаевич обладал не только обаянием успешного человека, но и чисто мужской привлекательностью, которая с годами не поблекла, а скорее, наоборот. Широкоплечий, поджарый, с острыми гусиными лапками вокруг лучистых глаз, он выглядел чертовски хорошо, Ирина даже слегка влюбилась в него несколько лет назад, во всяком случае, с удовольствием смотрела интервью с ним по телевизору.

Настоящая фамилия Филиппа Ветрова была Гаккель, и происходил он из семьи известного эндокринолога, профессора, академика и лауреата, поэтому стезя у него просматривалась только одна – в медицинский институт. И действительно, то ли папа был суров, то ли сам юный Филипп искренне хотел стать доктором, но после школы он поступил в Военно-медицинскую академию, отучился и самым честным образом поехал охранять южные рубежи нашей родины. Там его посетила муза, Филипп написал небольшой сборничек армейских рассказов, грустных и смешных, лирических и грубоватых, словом, хороших и разных. Очевидно, предки не одобряли увлечения сына литературной деятельностью, потому что Филипп, во-первых, взял псевдоним Ветров, а во-вторых, не стал просить отца о содействии в публикации, а как простой смертный разослал рукопись по литературным журналам. Откликнулась горячо любимая Ири-

ной «Юность», примерно через год опубликовав два лучших рассказа, а сборник отдельной книгой вышел много позже, сначала в «Роман-газете», а потом и симпатичным крепеньким томиком. Ирина, помнится, прочла его с удовольствием. Если Ветров отождествлял героя с собой, как делает большинство начинающих авторов, то он на военной службе хлебнул лиха, но не унывал и сохранял бодрость духа, несмотря на все тяготы и лишения.

После пяти лет честной службы Филипп Николаевич, тогда еще известный миру как Гаккель-младший, вернулся на «берега Невы» и определился адъюнктом на кафедре внутренних болезней. Может быть, благодаря заступничеству папы, но, с другой стороны, такой карьерный поворот возможен и без всякого блата, за отличную службу в отдаленном гарнизоне.

В любом случае данное кадровое решение оказалось ошибочным, ибо Филипп ничем не обогатил медицинскую науку, а вместо этого строчил пьесу за пьесой, скрываясь за псевдонимом Ветров. По одной из них на «Ленфильме» сделали картину о врачебных буднях, не шедевр, но Ирине нравилось, несмотря на то что Витя Зейда и Лида Горькова, доктора по специальности, при упоминании этого фильма ржали как лошади.

Навострив перо, Филипп Николаевич решил припасть к истокам и обратил свой взор на фигуру вождя. И как-то, черт побери, у него получилось изобразить Ленина не чугунокмачовым идиолом, а живым человеком, за которого искренне болеешь, хотя тебе прекрасно известно, чем там дело кончится.

Первую пьесу о вожде рискнул поставить Малый драматический. Ирина тогда была еще школьницей, и узнав, что идет с классом в театральный культпоход на пьесу про Ленина, заранее настроилась, что будет дикая скукота, и они с подружкой накануне спектакля прощупывали классную руководительницу, нельзя ли сбежать в антракте, и получили такое разрешение, как самые примерные ученицы. Получили и не воспользовались, потому что спектакль очень понравился.

После бешеного успеха в Ленинграде началось триумфальное шествие пьесы по всем театрам страны, она удостоилась постановки в Венгрии, Чехословакии и ГДР, и очень быстро появился фильм-спектакль, который Ирина посмотрела с большим удовольствием, хоть прекрасно помнила первоисточник.

Успех пьесы породил общественный интерес к личности автора, Филипп Николаевич вышел из тени, с удовольствием давал интервью, но при внешней открытости умел сообщить о себе крайне мало. Например, о том, что его настоящая фамилия Гаккель и он отпрыск известнейшей медицинской династии, Ирина узнала только из материалов уголовного дела.

Вскоре вышла вторая пьеса про Владимира Ильича, не хуже первой, работая над которой Ветров, видимо, смекнул, что подобрался к святыне слишком близко и дальнейшее очеловечивание образа вождя может выйти ему боком, поэтому переключился на более безопасных персонажей. Писал про Дзержинского, Аркадия Гайдара, Баумана, Софью Перовскую и других героев времен революции, и их плакатные фигуры оживали под его пером, и вспоминалось, что за этими фамилиями не просто символы, не названия улиц и городов, не каменные истуканы, а люди, которые жили совсем недавно, меньше века назад, стремились к великому, боролись за общее счастье, любили, страдали, отчаивались и радовались.

Пьесы Ветрова шли по всей стране, по ним снимали фильмы и телеспектакли, Филиппа Николаевича приняли в Союз писателей и Союз кинематографистов, но слава не вскружила ему голову, и он продолжал втайне от общественности тянуть лямку военной службы. Написал с помощью папы или сам кандидатскую диссертацию, которая, в отличие от пьес, фурора не произвела, получил должность ассистента на кафедре и спокойно вел больных и обучал курсантов, заслужил в конце концов майора и, как только вышел срок, мгновенно уволился в запас и посвятил себя литературной деятельности.

Что ж, интересный и достойный жизненный путь, и большую его часть Филипп Николаевич прошел рука об руку с первой женой Валерией Михайловной, дочерью другого медицинского академика, Михаила Ивановича Петрова, закадычного друга Гаккеля-старшего.

Валерия тоже продолжила семейную традицию и после школы поступила в медицинский институт. На третьем курсе она вышла замуж за Филиппа, но первенца родила только после того, как получила диплом. Возможно, не получалось раньше, но вероятнее, родители капали на мозг, что учеба прежде всего, сначала закончи вуз, а потом уж детей заводи, подкрепляя эти наставления личным примером. Обе семьи обзавелись потомством в весьма почтенном возрасте, сильно после тридцати. Никуда не спешили, и ничего, вон какие здоровенькие и умненькие детки получились. Смотри, свекровь твоя даже двоих родила, и ты успеешь. Все приходит вовремя к тому, кто умеет ждать.

А если бы Валерия Михайловна так и не вышла замуж, то, надо думать, ей бы безостановочно твердили, что главное для женщины это семья и надо было личную жизнь устраивать вовремя, а не над учебниками корпеть.

Ирина засмеялась, тряхнула головой, отгоняя глупые фантазии. Вдруг мама с папой Валерии – нормальные люди? Ведь встречается иногда такое... Ладно, так или иначе, а Коля Гаккель появился на свет в Ленинграде, когда Филипп уже отбыл к месту службы один, побоявшись подвергать беременную супругу резкой смене климата. Молодая мать с ребенком перезимовали под крылышком родителей и выехали к Ветрову только незадолго до первого дня рождения Коли.

Пока муж служил в Средней Азии, Валерия трудилась терапевтом в местной участковой больничке, а когда семья вернулась в Ленинград, поступила в аспирантуру в медицинский институт на кафедру микробиологии, но учеба вместо трех лет растянулась на шесть, потому что у супругов родилась дочь Алена, а вскоре после этого к Филиппу Николаевичу пришли слава и успех, а вместе с ними и деньги, причем огромные, и это, конечно, соблазн для любой жены. Когда у тебя супруг зарабатывает очень хорошо, ты еще подумаешь и про свой вклад в бюджет, и про самостоятельность, и про то, что женщина тоже человек и может иметь призвание и интересы в жизни, а киндер, кирхен, кюхен – это, на минуточку, позапрошлый век. Но когда муж зарабатывает как десять очень хорошо зарабатывающих супругов, то самой ходить на службу становится уже как-то глупо. Особенно если у тебя маленькие дети, а ты бросишь их ради каких-то жалких копеек, которые в общем бюджете никто даже не заметит. Ладно бы ты еще была гениальный ученый, но тут, видимо, не тот случай, потому что диссертацию Валерия Михайловна так и не защитила. Наверное, работа оказалась настолько беспомощная, что даже объединенной поддержки родителей и свекров оказалось недостаточно. Зато блага хватило на то, чтобы оставить Валерию ассистентом кафедры на полставки, хотя если аспирант не предоставляет диссертацию, то трудоустроить его никто не обязан. Тут Ирина завистливо вздохнула, ведь это идеальный режим для женщины, успеваешь и домочадцев обиходить, и делом позаниматься, ведь, в конце концов, разве доставят удовольствие модные дефицитные тряпочки и стрижки от высококлассного мастера, если ими не перед кем похвастаться? Может быть, и не хочется другой раз на службу идти, но как представишь себя раскисшей бабой во фланелевом халате, так помчишься впереди собственного визга. Нет, Валерия Михайловна нашла идеальный вариант.

Время шло своим чередом, дети росли, родители старели. У сына Коли откуда-то прорезался абсолютный слух, хотя музыкальность не была сильной стороной его предков ни по отцовской, ни по материнской линии. Всем им медведь на ухо наступил настолько плотно, что они даже не пытались зачислить ребенка в музыкальную школу, как все добросовестные родители Советского Союза, и дар Коли открылся совершенно случайно, благодаря школьной учительнице пения. Тут сообразили, что мальчик пошел в прадедушку Валерии Михайловны, который вроде бы служил в Кировском, тогда еще Мариинском, театре и, видимо, сидел там

в оркестровой яме, а не в бухгалтерии, как считало семейство. Восхитились причудам наследственности, вооружили Колю скрипкой, а когда он показал выдающиеся способности, перевели в специализированную музыкальную школу, откуда парень потом без проблем поступил в консерваторию. Получив диплом, Коля каким-то удивительным, можно сказать, непостижимым образом загремел в армию, хотя любой его родственник хоть с маминной, хоть с папиной стороны мог отмазать его легким движением пальца. Неужели парень из интеллигентной семьи руководствовался пещерным принципом «не служил – не мужик»?

Ирина улыбнулась. С другой стороны, у нее семья тоже вроде как интеллигентная, но попробуй зайкнись, что тебе не нравится фильм Никиты Михалкова. Сразу тебе ответят, что он служил в армии, значит, правильный мужик, солдат, и нечего тут наводить критику.

После армии Коля поехал работать директором музыкальной школы в славный город Петропавловск-Камчатский, мягко говоря, не ближний свет. Там женился, в браке родилось двое детей, так что хоть Николай и не прибавил славы почтенному семейству, но точно никак его не опозорил и достойно продолжил род.

На дочь Алену медицинской науке тоже не стоило сильно надеяться. Девочка успешно поступила в медицинский, но на втором курсе вышла замуж за курсанта военного училища, в отличие от матери тянуть с приумножением семейства не стала, сразу родила сначала одного ребенка, через год второго и сейчас ждала третьего. Был, конечно, призрачный шанс, что она вернется в институт из затянувшейся академки, но для этого мужу пришлось бы перевестись в Ленинград, бросив блестяще складывающуюся карьеру в Забайкальском ВО. Похоже, девочка из семьи академиков и профессоров так и останется без высшего образования, уникальный случай по нынешним временам.

Что ж, семейная история вызывала симпатию к фигурантам дела. При большом желании можно слегка попенять старшему поколению, что они пристроили детей в наследственную профессию, к которой те были равнодушны. Да, Филипп Николаевич и его жена занимали места, на которые иначе могли бы прийти настоящие энтузиасты и врачи от бога, но, с другой стороны, они хорошо учились и выполняли свои служебные обязанности добросовестно, пусть и без огонька. Представители старых профессорских династий ничем не обогатили медицинскую науку, так и Витя Зейда, человек без блата, тоже очень сомнительно, что совершит в ней прорыв. А младший брат Филиппа Николаевича, например, блестящий хирург, известный во всем городе. Понятно, что папа не сидел сложа руки, наблюдая, как ребенок штурмует приемную комиссию мединститута, помог, но сын, получив поддержку на старте, состоялся в профессии самостоятельно.

Зато супруги, на собственном опыте узнавшие, что такое по родительской указке заниматься делом, к которому не лежит душа, своим детям предоставили свободу. Или нет? Или сын с дочерью потому и уехали на другой конец страны, чтобы оказаться подальше от скандалов и нотаций? Со стороны семья казалась дружной и любящей, а что там на самом деле, поди догадайся.

Наверное, не все было так благополучно, потому что, как только птенцы вылетели из гнезда, вслед за ними потянулся и глава семейства. Не прошло и года после замужества дочери, как Филипп Николаевич развелся с супругой.

Ирине стало не по себе, как всегда, когда она узнавала о разводе пары с многолетним стажем. Когда расстаются молодожены, не выдержавшие вместе и года, это нормально и понятно, и претензии тут больше к их родителям, которые вместо того, чтобы вправить детям мозги и доходчиво объяснить смысл стихотворения «Любовь не вздохи на скамейке», всячески укрепляют в сознании своего потомства идею, что это все было несерьезно, игра и глупость, надо поскорее забыть об этой дуре/дураке и жить дальше. Побег мужа, не выдержавшего ответственности за ребенка, постыден, но понятен. Распад семьи с десятилетним стажем тоже можно объяснить. Вы еще молодые, еще хочется романтики и любви, и работа такая, что не полу-

чается эту энергию направить в созидательное русло, а супруга своего знаешь вдоль и поперек, заново влюбиться не получается, вот и начинаются поиски приключений. Но расставаться после тридцати лет совместной жизни? Ирине казалось, что люди, вместе воспитавшие детей, вместе сносившие удары судьбы и преодолевавшие трудности, да в конце концов, просто три десятилетия проспавшие в одной кровати, становятся такими близкими родственниками, что эту связь уже не разорвать.

Или они жили как кошка с собакой, просто умели держать себя в руках?

А может быть, Филиппу Николаевичу надоела размеренная акварельная житуха и захотелось страстей на разрыв аорты? Ведь родительские семьи были связаны крепкими узами дружбы, и дети тоже знали друг друга с пеленок.

Во время следствия Валерия Михайловна вела себя сдержанно, но о семейной истории говорила охотно. Так, сообщила, что у ее родителей долго не получалось завести ребенка, и это, кстати, стало одним из факторов сближения с Гаккелями, у которых тоже не было детей, но там это был сознательный выбор. Юлия Гаккель трудилась рентгенологом, обожала свою работу, читала снимки так, что доктора в ногах у нее валялись, лишь бы она только посмотрела рентгенограммы их пациентов, и хоть не занималась научной работой, но с упоением писала учебники и пособия для практикующих врачей, разлетавшиеся как горячие пирожки. Кроме того, Юлия боялась, что, не слишком скрупулезно соблюдая технику безопасности, хватанула дозу радиации, которая лишила ее шансов на здоровое потомство. Супруги подумывали о том, чтобы взять ребеночка из детского дома, но, естественно, не сейчас, на пике карьеры, а когда-нибудь в далекой перспективе. Петровы тоже подумывали об усыновлении, но еще более вяло, чем Гаккели. Хотелось понянчить малыша, но своего, а не чужого, с непонятно какой генетикой. Хорошее воспитание – великая сила, только когда прикладывается к хорошей наследственности, считали Петровы и в детский дом не торопились. И вдруг Юлия Гаккель забеременела. Растерялась, хотела сделать аборт, но Мария Петрова уговорила ее оставить ребенка, обещав полную помощь и поддержку, даже если малыш родится не очень здоровым, чего Юлия боялась как огня. Мария была рядом с подругой всю беременность, а когда Филипп родился, буквально не отходила от младенца.

И тут то ли гормональный фон сдвинулся, то ли Бог заметил, что Петрова сумела порадоваться чужой радости, то ли еще что, но когда Филиппу исполнилось два месяца, Мария забеременела. А вскоре выяснилось, что и Юлия снова в интересном положении.

Петрова с трудом уговорила ее оставить второго ребенка, и дети появились на свет с разницей в несколько недель, и в знак вечной дружбы и благодарности друг другу матери придумали дать им одинаковые имена.

Мария ушла с работы, посвятив себя воспитанию долгожданной дочки, а Юлия с трудом высидела второй декрет и помчалась на службу, благо доходы позволяли нанимать домработницу и няню.

Когда началась война, Гаккеля с Петровым мобилизовали, а семьи эвакуировали в Кировскую область. Академики устроили так, чтобы жены и дети поехали вместе, но до пункта назначения добралась только Мария с тремя детьми, старенькой бабушкой Юлии, родившейся еще до отмены крепостного права, домработницей и няней. Неугомонная Юлия отправилась в военкомат и получила назначение во фронтową госпиталь, где и прослужила все военные годы.

Михаил Иванович погиб в сорок третьем, а Гаккель с Юлией после победы вернулись домой, выписали из эвакуации Марию с детьми и домочадцами и зажили практически одной семьей, благо квартиры располагались в соседних домах, а погибший Петров был такая величина, что никто не осмелился отнять или хотя бы частично откусить у его вдовы и дочери жилище. Дети оба дома считали своими и знали, что у них есть мама Юля, энергичная и целе-

устремленная, которой никогда не бывает дома, но зато с ней весело и она всегда может дать толковый совет, и мама Маша, для которой главное, чтобы ты был сыт, здоров и счастлив.

Филипп поступил в Военно-медицинскую академию, первые два года провел на казарменном положении под строгим присмотром старших по званию, а на третьем курсе слушателям разрешают жить дома, и юный Гаккель вырвался на волю. Родители признали свое бессилие против жизненной энергии нафаршированного тестостероном юнца и приготовились к худшему, но Филипп неожиданно не сорвался с цепи, а повел крайне респектабельный образ жизни, казавшийся пресным даже примерной девочке Лере. Возможно, позволял себе иногда кое-что интересное, но по воскресеньям приходил к приемной матери свежим, аккуратным, благоуханным и с тортиком под мышкой. Вскоре у них с Лерой возник роман, закончившийся свадьбой.

Ирина улыбнулась, вспомнив почему-то фразу «высокие, высокие отношения» из фильма «Покровские ворота». А что, с другой стороны, смеяться? Люди живут достойно, дружно, не изнуряют себя страстями... В чем тут грех? Может быть, Филиппу действительно понравилась хорошая и рассудительная девочка Лера, может, с ней рядом он чувствовал себя хорошо и спокойно, но даже если он женился на ней по указке родителей, разве, положив руку на сердце, это так уж плохо? Что удивительного, если парень, выросший не просто в достатке, а в очень богатой семье, насквозь пропитался буржуазной моралью, и воспринимать брак как сделку было для него совершенно естественно? Филипп не верил в Великую Любовь с Первого Взгляда, зато рос в здоровой семье, где люди относились друг к другу тепло и уважительно, не нуждаясь для этого в каких-то волшебных озарениях. Поэтому ничего удивительного, что он сам решил строить такую же семью с девушкой, которую хорошо знал.

Дружба переросла в любовь и настоящую близость, а через тридцать лет ударил бес в ребро, зашептал, ах, Филипп, Филипп, полжизни прожил, да какое там пол... Помирать тебе скоро, а ты так любви-то настоящей и не знал, страсти не видел, одни улыбки да борщи. В тени сидел, на холодке, а у огня так ни разу и не погрелся!

А может, не такие уж и добрые были Гаккели-старшие и давили на старшего сына, пока он не сдался и не отправился в загс с нелюбимой женщиной. На допросах Филипп Николаевич утверждал, что женился по любви и был счастлив, пока не встретил Веронику, но правда ли это? Состоялся ли брак по взаимной симпатии или все же по холодному расчету? Хорошо, если в этом соглашении участвовали оба, а если только муж? Каково жене узнать, что много лет тебя только терпели и спали с тобой не потому что хотели, а потому что надо, и ласка была фальшивой, а улыбка – неискренней? Ты жила с человеком, надеясь вместе состариться и умереть, а он просто ждал, когда можно будет уйти, чтобы не поссориться с детьми... Это, наверное, самое страшное предательство, и будем надеяться, что Филипп Николаевич если и тихо ненавидел жену все годы постылого брака, то хотя бы нашел в себе достаточно сил не признаться в этом при разводе.

Библия говорит, что муж и жена едина плоть, и так оно и есть, за годы брака, счастливого ли или не очень, люди прорастают друг в друга, понимают без слов. Ведь больно отрываться друг от друга, и раны долго не затянутся, и ради чего терпеть такую муку? Ради влюбленности, которая тебе уже не особенно и по годам? Ради иллюзии, что раз ты с молодой, то и сам молод, и впереди вся жизнь?

Ах эта чертова седина в бороду, бес в ребро... Неужели когда-нибудь и у Кирилла случится такое помрачение, и он оставит жену, которая, кстати, на пять лет старше, ради юной фанатки?

Ирина вздохнула и нахмурилась. Лучше бы Павел Михайлович и дальше давал ей хозяйственные дела! Она уже поднаторела в бухучете, во всяких там накладных, актах и неучтенных излишках, и даже получала удовольствие, вникая в хитроумные мошеннические схемы, а преступления по личным мотивам настраивали обычно на грустный лад.

Она с силой потерла виски кончиками пальцев. Ладно, что будет, то и будет, знать наперед все равно никому не дано. Когда Кирилл захочет с ней развестись, тогда и начнем страдать, а сейчас надо сосредоточиться на семейных перипетиях Ветрова, бывшего Гаккеля.

Итак, драматург покинул семейный очаг после тридцати лет семейной жизни. Покинул красиво, с одним чемоданом, оставив супруге новенькую «Волгу», потому что все остальное и так принадлежало Валерии, к которой Филипп Николаевич пришел примаком.

Он мог бы требовать размена родительских апартаментов, в которых до сих пор был прописан и где теперь жил младший брат с семьей, но делать этого не стал, а приземлился в Вероникиной двухкомнатной квартирке, о какой мечтает большинство советских граждан и которая ему должна была казаться страшной конурой.

Возможно, после многих лет, прожитых в достатке, Филиппу Николаевичу было даже интересно окунуться в студенческую бедность, но наслаждался ею он очень недолго. Гонорары текли рекой, и власти не оставили творца, который своим дарованием вновь заставил народ полюбить героев революции.

Ветров с молодой женой получили отличную квартиру на Петроградской стороне, купили новую «Волгу» для Филиппа Николаевича, а Вероника немного поехала на старой «копейке», отточила водительское мастерство и в январе получила новейшую модель «Жигулей», «восьмерку», прямиком с конвейера.

В общем, жили широко, но Филипп Николаевич, балуя молодую жену, не забывал и про старую – он ежемесячно платил Валерии Михайловне триста рублей, а детям тоже отправлял переводы, не так регулярно, но крупными суммами.

«Какой-то Запад, элементы сладкой жизни, – усмехнулась Ирина, – две машины на семью, хорошие отношения супругов после развода и алименты не на детей, а на покинутую супругу. Просто новое мышление в чистом виде».

Так прошло два года. Валерия Михайловна продолжала работать на полставки, жила одна, но часто летала к детям, благо у преподавателей в высшей школе длинный отпуск, и она еще за свой счет прихватывала.

Казалось, женщина перенесла уход мужа спокойно и с достоинством, и даже зрелище нового счастья Филиппа Николаевича не слишком ее уязвляло.

А от этого нового счастья действительно трудно было увернуться. Ветров регулярно выступал по телевизору, давал интервью в газетах и журналах, и почти каждый раз в кадре присутствовала молодая жена. Или сидела рядом, если выступление записывалось дома у Филиппа Николаевича, или присутствовала на фотографии, а когда уж никак невозможно было ее втиснуть в кадр, то Ветров обязательно сообщал, что Вероника – его муза, источник вдохновения и ангел-хранитель.

Впрочем, новый генеральный секретарь тоже везде ходил со своей элегантной женой, поэтому в современных реалиях наглость Вероники не выглядела такой уж предосудительной.

Блестящее замужество не слишком способствовало взлету Вероникиной карьеры, за последний год она снялась только в одном довольно невнятном фильме, где прославлялась духовность, а потребительское отношение к жизни, наоборот, осуждалось, но понять замысел картины можно было, только зная парадигму советского искусства в целом.

Весной Вероника поняла, что ждет ребенка, а значит, нужно позаботиться о своем здоровье, хорошо питаться, побольше двигаться, а главное – уехать из загазованного Ленинграда куда-нибудь на свежий воздух. В принципе, у Филиппа была отличная дача, которую он унаследовал от родителей вместе с братом, но то по документам, а реальность выглядела немного иначе. Пока Ветров был женат на Валерии, то пользовался дачей ее родителей, да и то бывал там от силы два раза в году. Супруги ненавидели загородную жизнь, называли ее тюрьмой народов, и отпуск проводили на югах, а на остаток лета сдавали детей маме Валерии. Про дачу своих родителей Филипп вообще забыл, а когда вспомнил, было уже поздно. Нет, брат без

слов освободил бы ему половину дома, у них были прекрасные отношения, именно поэтому Филипп не хотел их омрачать. Ведь когда ты что-то считаешь уже своим, и не потому что сам так захотел, а законный владелец позволил тебе так думать, то ничего удивительного, что потом, когда он предъявляет свои права, ты смотришь на него как на захватчика. Кроме того, жена Валерия Николаевича не то чтобы недолюбливала Веронику, но как-то без слов, ни на миллиметр не выходя за рамки приличий, умела дать понять, кто тут настоящая муза, а кто проститутка поганая. Кто много лет мотался с мужем по гарнизонам, а кто на готовенькое пришел. Понятно, что для здоровья будущего ребенка Веронике было бы полезнее жить на фабрике инсектицидов, чем под одной крышей с этой добродетельной женщиной.

Тут Валерия Михайловна проявила великодушие и предложила Веронике провести лето у нее на даче, которая все равно стоит пустая после смерти матери. Сама Валерия туда не ездит, ибо некогда и не любит, а продавать жалко, все же память о родителях.

Поэтому Вероника с Филиппом пусть заезжают, обживают, растят детей сколько угодно, с одним только условием – освободить дом по первому требованию Коли или Алены.

Супруги с благодарностью согласились, Вероника прожила на новом месте весь май, а в июне Ветров улетел на две недели в Афганистан вместе с другими деятелями культуры поддерживать наш ограниченный контингент. Беременную жену он по понятным причинам с собой не взял.

Ах, если б человек мог угадать, где подстерегает настоящая опасность...

Двадцатого июня Вероника уехала в город на своей новенькой машинке, предупредив соседей, что вернется через пару дней. Она вообще вела себя очень любезно, всегда предлагала подвезти, если кому-то надо, или, наоборот, захватить передачку.

Ирина прекрасно понимала чувства молодой женщины. Пастораль – штука, конечно, хорошая и оздоровительная, но дико скучная, и наступает момент, когда огни большого города начинают манить невыносимо.

Ничего удивительного, что Вероника сорвалась, странно было бы, если бы она, наоборот, никуда не поехала.

Только вот, прибыв в город, Вероника не отправилась в кино или к подружкам, а вместо этого пригласила в гости Валерию Михайловну.

И тут возникает вопрос: зачем нынешней жене приглашать бывшую? Хорошо, допустим, Вероника была жадная и меркантильная, и что Ветров пришел к ней с голой задницей, не совсем ее устраивало, и она не знала, что Филипп все оставил первой жене не столько из благодарности, сколько потому, что это наследство от ее родителей, на которое он не имеет никакого права. Но неужели же Вероника настолько конченная хамка, чтобы заниматься вымогательством, находясь, по сути, в гостях у Валерии? Или дача так понравилась ей, что она захотела ее срочно выкупить, не дожидаясь, пока муж вернется из командировки? Хиленькая гипотеза...

А если не имущественные претензии, тогда какие? Может быть, Ветров психопат, сначала прикинулся зайчиком, а пообвыкшись в новом браке, развернулся во всю ширь своей гнилой натуры? Может, даже стал побивать жену, и она позвала свою предшественницу, чтобы посоветоваться? Полностью исключить такое нельзя. И привлекательно, черт возьми, выглядит версия, и мораль хороша, за что боролась, на то и напоролась. Хотела замуж за богатого, получай не только деньги, но и тумачи, роз без шипов не бывает. Даже жаль, черт возьми, что у Филиппа Николаевича стопроцентное алиби, а то можно было бы вообразить, что он убил новую жену, подставив старую. Но это, конечно, сказки, в реальной жизни психопату или не хватает мозгов осуществить столь изысканную комбинацию, или хватает сдержанности обойтись без женоубийства.

К сожалению, никто в окружении Вероники не знал, о чем она хотела поговорить с Валерией, и даже понятия не имел, что она хочет встретиться с бывшей женой своего мужа. Эту

часть событий пришлось восстанавливать только со слов Валерии, доверять которым глупо и опасно.

На следующий день, двадцать первого июня, около семи вечера соседка Вероники снизу заметила, что на потолке в кухне расплывается пятно воды. Возмущенная женщина понеслась наверх, позвонила, постучала, но никто ей не ответил, тогда она вспомнила, что Вероника месяц назад, уезжая на дачу, оставила ей ключ от своей квартиры именно на такой случай.

К счастью, прежде чем открыть дверь, женщина догадалась позвать представителя жилконторы, благодаря чему избежала крупных неприятностей.

Войдя, они увидели страшную картину. На полу среди страшного разгрома лежала убитая Вероника, а рядом на диване раскинулась Валерия, которая тоже сначала показалась мертвой, но «скорая», приехавшая вместе с милицией, обнаружила, что женщина крепко спит.

С большим трудом медикам удалось привести ее в сознание, но когда Валерия Михайловна поняла, что случилось, то впала в такой ужас, что пришлось сделать ей успокоительное и направить в психиатрическую больницу.

Только через сутки она, как говорят врачи, стала доступна продуктивному контакту и рассказала следователю вот что: Вероника зачем-то напрашивалась в гости, но Валерии лень было убираться и готовить, поэтому она предпочла заехать к новой жене мужа сама, хоть машина стояла на техобслуживании. Женщина прикинула, что пользоваться общественным транспортом, конечно, противно, но все же менее энергозатратно, чем приводить квартиру в парадный вид.

В этом моменте Ирина очень хорошо понимала Валерию Михайловну. Перед счастливой соперницей можно выглядеть только идеальной хозяйкой, никак иначе. Можно и крюк дать на двух автобусах и на такси разориться, лишь бы новая жена не увидела три лишние пылинки в твоём доме.

Вероника, оживленная чуть больше обычного, приняла Валерию радушно, предложила чаю с кулебякой, но не успела гостя отведать явно ресторанный продукт, как хозяйка вспомнила, что у нее есть бутылочка ликера «Адвокат», а Валерия, в принципе равнодушная к алкоголю, от этого тягучего сладковатого напитка была просто без ума. Наверное, будь сама за рулем, она бы устояла перед искушением, да и то вряд ли, а без машины так сам бог велел угоститься.

Валерия с удовольствием просмаковала щедрую порцию из модного низкого стакана, а беременная Вероника поддержала ее морально. Через несколько минут, хотя очень возможно, что в реальности прошло больше, Валерия стала слышать хозяйку как сквозь вату, уши заложило, перед глазами поплыли радужные круги, мир распался на куски и исчез, и следующее, что она запомнила, это как ее бьют по щекам, а у нее даже нет сил отмахнуться.

Валерия Михайловна не верила, что Веронику убила именно она, но, к сожалению, картина преступления говорила именно об этой версии. На орудии убийства, кухонном ноже, нашли отпечатки пальцев Валерии, на ее руках и одежде была кровь жертвы, а кроме того, следов присутствия посторонних людей в квартире не обнаружилось.

В общем, типичная, даже, можно сказать, хрестоматийная картина патологического аффекта. Бывает так, что после небольшой дозы алкоголя человек теряет контроль над собой, в беспамятстве совершает преступления, иногда потрясающие своей жестокостью, крушит все вокруг, потом засыпает, а проснувшись, ничего не помнит, шокирован содеянным и не верит, что своими руками совершил этот ужас. Аффект – штука довольно привлекательная для преступника, но для его признания недостаточно заверений, что ты ничего не помнишь. Есть объективные признаки, и в данном случае они налицо.

Можно предположить, что у Валерии Михайловны не было заранее обдуманного намерения, потому что она не привезла с собой никакого предмета, способного лишить чело-

века жизни, а взяла нож с кухни Вероники. Если бы молодая женщина пользовалась ножом поменьше, то с большой вероятностью осталась бы жива.

Характер ран свидетельствует, что наносились они бессистемно, что тоже говорит об измененном состоянии психики нападавшего. Человек, планировавший убийство, старается сразу нанести смертельный удар, а не бьет куда попало. Ну и самое главное, достигнув цели, убийца в здравом уме пытается уничтожить свои следы на месте преступления и уж точно не устраивает погром и не ложится там спать.

Даже обывателю ясно, что Валерия Михайловна повела себя неадекватно, а уж когда это подтверждает судебно-психиатрическая экспертиза, то вообще не о чем думать. Ненависть к счастливой сопернице копилась-копилась да и выплеснулась с такой силой, что отключила бедной женщине сознание.

В общем, не ясна только цель встречи дам, и это маленькое недопонимание, совсем крохотное, как горошина под сотней перин, причиняет легкое неудобство, но, сказала себе Ирина, надо помнить, что она не принцесса, а простая советская судья и не имеет права на капризы.

Еще незначительней, не горошиной даже, а песчинкой, представлялась версия, что патологическое опьянение Валерии Михайловны само по себе, а убийство совершил кто-то другой. Но следов постороннего не нашли, соседи ничего не видели, дверные замки открывали только одними и теми же ключами, да и, в конце концов, сама Валерия Михайловна утверждала, что Вероника была дома одна.

Нет, не было там посторонних, да и вообще, когда у тебя есть отпечатки пальцев на орудии убийства, кровь жертвы на одежде и руках подозреваемой, других виновников можно не искать, это следствие еще по максимуму отработало.

Заключение судебно-психиатрической экспертизы четкое и однозначное. На фоне вовремя не диагностированной вялотекущей шизофрении, длительной психотравмирующей ситуации и патологического опьянения у больной развился патологический аффект, вследствие чего она не могла отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими.

Павел Михайлович прав, дело действительно очень простое, вся задача – признать бедную Валерию Михайловну невменяемой и назначить ей принудительные меры медицинского характера.

Самая большая трудность, которая тут ждет судью, это преодолеть психологический барьер, чтобы отпустить человека, убившего молодую беременную женщину, на свободу. Ведь, строго говоря, по состоянию здоровья Валерия Михайловна не нуждается в госпитализации, амбулаторного лечения здесь будет достаточно.

Хотя... Не надо забывать, что Валерия из семьи врачей, жена потомственного врача и сама врач. Тут цеховая солидарность даже не в квадрате, а в третьей степени. Сама она как профессионал не особо состоялась, но доктора, проводившие экспертизу, занимались по учебникам ее отца, а свекор читал им лекции и принимал экзамены, она свой человек, и просто грех не нарисовать ей диагноз, освобождающий от уголовной ответственности, но в то же время не обязывающий госпитализировать ее в закрытый психиатрический стационар.

Ирина поморщилась. Вот откуда, скажите на милость, взялась вялотекущая шизофрения у почтенной женщины, никогда в жизни не замеченной ни в чем предосудительном? Образцово вела дом, на работе не блистала, но справлялась, соблюдала трудовую дисциплину, не кляузничала, выглядела всегда хорошо, водила, кстати говоря, машину, значит, прошла осмотр психиатра, когда получала водительскую медицинскую справку. Почему вдруг она стала шизофреничкой? С чего такие смелые выводы? Уж не из того ли соображения, что для патологического аффекта помимо внешних остро возникших обстоятельств необходима какая-то постоянная составляющая, иначе говоря, фон? У здорового человека чаще бывает физиологический аффект, связанный или с однократным воздействием сильного раздражителя, или с длительным психологическим насилием, то, что в народе называется «терпение лопнуло». Тут может

быть в зависимости от внешней силы и мобилизация всех возможностей организма, когда гнилой интеллигент, спасаясь от хулиганов, легко перепрыгивает трехметровый забор или дает им достойный отпор, и приступ ярости, когда подчиненный дает оплеуху зарвавшемуся начальнику или жена опускает сковородку на голову непутевому мужу-алкашу. Всякое бывает, человек, что называется, выходит из себя, не может остановиться, но все же помнит, что наделал. Такой физиологический аффект принимается в качестве смягчающего обстоятельства, но не является основанием, чтобы признать подсудимого невменяемым и освободить от уголовной ответственности.

Патологический же аффект сопровождается полным помрачением сознания, а раз гражданин себя не помнит, то и наказывать его не за что.

Для того чтобы у судьи не возникало лишних сомнений, а вдруг аффект был физиологический, просто множество умилительных статей и телепередач о счастье Ветрова с молодой женой оказали на Валерию Михайловну кумулятивное воздействие, и она убила соперницу в припадке банальной ярости, добрые эксперты-психиатры на всякий случай пририсовали женщине вялотекущую шизофрению. Почему бы и нет, ведь после такого эксцесса работать врачом она все равно не сможет.

Ирина вздохнула. Черт возьми, неужели на время процесса придется стать святее папы римского и сомневаться в заключении уважаемых экспертов? Один из них доктор наук, второй – кандидат, оба имеют все возможные регалии, чай не в деревне живем, где один фельдшер на все случаи жизни, а в культурной столице и для осуществления правосудия можем привлекать самые передовые силы.

Надо не гадать, а внимательно изучить весь текст экспертизы, а не только результирующую часть. Прочитать буковку за буковкой, слово за словом, и тогда станет ясно, откуда они эту шизофрению вытянули. Однажды Ирина позволила себе пробежать заключение судебно-психиатрической экспертизы по диагонали, из-за этого чуть не приговорила невинного к высшей мере, так что теперь вникала в каждый документ.

Но только она раскрыла уголовное дело на нужной странице, как радиоточка пропикала восемнадцать часов.

Ирина вскочила. В принципе, сегодня необязательно нестись сломя голову в ясли за Володей, Кирилл работает в первую смену и заберет его сразу после полдника, и, наверное, даже картошку к ужину почистит, но, если у тебя ответственный муж, это еще не значит, что можно злоупотреблять его терпением.

* * *

Шубников помнил, что жена всегда берет суточное дежурство по субботам, и с утра поехал в клинику, купив по дороге гладиолусов. Эти цветы раздражали его, почему-то ассоциировались с Арнольдом Шварценеггером, такие же излишне мощные, а Маша их любила.

Он пролез через хорошо известную еще со студенческих времен дыру в заборе, о которой все знали и принимали как неизбежность, и направился к корпусу, внимательно озираясь, готовый при виде знакомого или отступить, или свернуть.

К счастью, большинство его товарищей уже достигли того уровня, когда в выходные можно отдыхать дома, а не зарабатывать опыт и репутацию, поэтому Шубников беспрепятственно добрался до окна ординаторской.

Клиника, где работала жена, располагалась в двухэтажном флигеле, старинном здании, то ли так и построенном на низком фундаменте, то ли осевшем от времени, так что Шубникову даже не пришлось задирать голову, чтобы увидеть, как Маша пишет истории за своим столом.

Он свистнул. Увидев его, жена поморщилась, встала и перегнулась через подоконник. Шубников протянул ей цветы.

- Опять? – спросила Маша.
- Он кивнул и развел руками.
- Иди домой, Саша.
- Может, хоть с дочкой разрешишь повидаться?
- Она досадливо поморщилась:
- Не начинай, пожалуйста.
- Правда, Маш...
- Не смей даже думать!
- Но я ее отец.
- Да неужели?
- А что, нет?
- Она выпрямилась:

– Раз выбрал водку, значит нет. Все, разговор окончен, Саша.

Жена с силой захлопнула створку окна, так что стекло задребезжало, и вернулась к письменному столу. Шубников посмотрел сквозь стекло, как она неподвижно сидит, занеся авто-ручку над историей, на минуту показалось, что плачет, но это слишком много ему чести. Войти, что ли, через дверь, как приличные люди, и продолжить разговор, только тогда он точно встретит кого-нибудь из знакомых, а толку все равно не добьется.

Нужно идти домой, утешаясь тем, что «так лучше для ребенка». Гордиться хотя бы тем, что он спокойствие и благополучие дочери ставит выше своей отцовской тоски.

Выйдя на проспект, он быстро зашагал к автобусной остановке, сутулясь и стараясь не смотреть по сторонам. Домой-домой, в пустоту.

В самом деле, что он ждал от этой встречи? На что надеялся? Ведь ничего не изменилось, дочери по-прежнему лучше думать, что отец ей такой же родной, как и ее младшему братику. Ей интересно, спокойно и хорошо рядом с веселым и надежным папочкой, совсем ни к чему знакомиться с каким-то хмурым алкашом, которого она не помнит. Все так, все так...

Шубников иногда приезжал к детскому садику, смотрел на дочь, как она гуляет под присмотром воспитательниц, здоровая, счастливая девочка. Добавит ли ей радости появление родного отца? Да и слов таких, наверное, не подберешь, чтобы объяснить пятилетнему ребенку разницу между отцом и отчимом.

Шубников был согласен на то, чтобы войти в жизнь дочери каким-нибудь мамы-папиным другом, что, кстати, соответствовало истине, или дальним родственником, или кем угодно, лишь бы только хоть иногда поговорить с нею, почувствовать в своей руке теплую детскую ладонь. Но Маша не была согласна даже на это, и, в общем, грех на нее обижаться, потому что в свое время она предоставляла ему выбор.

Или водка, или семья, сказала она, и Шубников не то чтобы выбрал водку, но сорвался разок, а второго шанса Маша давать ему не захотела, зная, что за вторым обязательно следует третий и четвертый – и так до бесконечности.

А он, дурак, не верил ни в свой алкоголизм, ни в Машкину решительность, пока не обнаружил себя в старой коммуналке, в комнате, похожей на гроб, одиноким, пьяным и безработным.

А теперь что ж? Остается утешаться тем, что ты еще не совсем пропавший, раз думаешь не о себе, а о душевном спокойствии дочери. Можно еще полюбоваться собственным великодушием, что ты простил жене измену, хотя любой другой на твоём месте уж постарался бы отравить ей новое семейное счастье с твоим лучшим другом. И друга ты тоже простил, и пожелал счастья, и отпустил, и в целом так благородно себя повел, что слезы из глаз.

А когда жалость к себе иссякнет, а боль не утихнет, можно прибегнуть к старому и проверенному средству. Оно помогает, правда, ненадолго, но вечного на земле вообще ничего нет...

* * *

Ирина долго колебалась, но все же приняла решение сделать процесс закрытым. Да, новое мышление и гласность, народ имеет право знать, чем дышат его кумиры и духовные наставники, но если Валерия Михайловна действительно так больна, как пишут эксперты, то необходимо защищать ее интересы.

Суд – сильнейший стресс даже для здорового человека, что уж говорить о шизофренике, у которого любой раздражитель может вызвать обострение, и разбирательство придется отложить, пока он не придет в себя, что не факт, что вообще случится. Ну и гуманность никто не отменял, прежде всего нужно позаботиться о тех, кто сам не способен о себе заботиться.

Кажется, этим решением она немножко расстроила гособвинителя и адвоката, которым хотелось покрасоваться перед ленинградским бомондом, который обязательно пришел бы поддержать Филиппа Николаевича, но спорить с Ириной участники процесса не стали. Наоборот, Павел Михайлович специально заглянул к ней похвалить за мудрое решение и признался, что ему звонили с самого верха и мягко, но настоятельно просили провести суд со всей возможной скромностью.

«Ну еще бы, – усмехнулась Ирина, – человек про Ленина пишет, а в жизни у него такие ужасы. Начнем с того, что в прежние времена ему вообще никто не позволил бы разводиться. Раз уж взялся увековечить светлый образ вождя, то будь добр, живи с женой, а не бегай по молоденьким артисткам. Теперь нравы стали помягче, развод еще куда ни шло, но такая кровавая развязка все же перебор».

Настроение у Ирины было хорошее. Изучив материалы дела, она прониклась уверенностью, что в этот раз сюрпризов не будет, и даже вообразить не могла, что может пойти не так, когда доказательная база у тебя базируется не на свидетельских показаниях, а на заключениях экспертов. Свидетель может намеренно лгать, или добросовестно заблуждаться, или забыть, или перепутать, а эксперт совсем другое дело. Он дает компетентное заключение, которое может быть перепроверено другим специалистом.

От участников процесса Ирина тоже не ждала подвоха. Гособвинителя Старцева она знала давно как добросовестного прокурора и хорошего человека, адвокат с неподходящей для этой профессии фамилией Погорелов тоже был ей известен. Умный, сообразительный, в меру изворотливый, но честный, он не входил в десятку лучших адвокатов Ленинграда, но пользовался прекрасной репутацией. С этими людьми было спокойно и приятно работать.

Заседатели в этот раз тоже порадовали. Светлана Аркадьевна Панченко, преподавательница английского языка в Технологическом институте, оказалась дородной дамой лет сорока пяти с вишневой помадой на сдобных губах и множеством золотых украшений, среди которых было и широкое обручальное кольцо с модной бриллиантовой полосочкой. Она была примерно ровесница подсудимой, занимала с ней почти одинаковое общественное положение и, по идее, должна была сочувствовать Валерии Михайловне.

Впервые увидев второго заседателя, Шубникова, Ирина решила, что, как обычно, ей для осуществления истинно народного характера советского правосудия прислали представителя рабочего класса, причем, как водится, далеко не самого передового. Теоретически в народные заседатели коллектив должен выдвигать самых достойных, а на практике направляли тех, от отсутствия которых производство точно не пострадает.

Шубников, молодой сухощавый мужик с обветренной физиономией, в старых джинсах и мятой ковбойке, поверх которой из уважения к суду был надет пиджак, подозрительно похожий на школьный, выглядел типичным цеховым забулдыгой, так что Ирина была страшно удивлена, когда узнала, что он работает хирургом в поликлинике.

Панченко оказалась дамой любопытной и общительной, и не то чтобы бесцеремонной, но сразу принялась вить гнездо у Ирины в кабинете. На эти плечики я повешу свой плащик, а тут будет стоять моя любимая чашечка, а куда спрятать заварочку и конфетки, а хорошо ли закрывается дверь, мою сумочку точно не украдут? А когда обеденный перерыв, есть ли поблизости продуктовые магазины и можно ли уходить домой сразу после окончания заседания или обязательно высиживать рабочее время?

Чем напористее вела себя Светлана Аркадьевна, тем больше симпатии вызывал у Ирины индифферентный алкоголик Шубников, не задавший ни единого вопроса, ни организационного, ни по существу дела.

Филипп Николаевич, о котором Ирине все время приходилось мысленно напоминать себе, что он Гаккель, а не Ветров, выглядел примерно так же, как на телеэкране, а сопровождавший его брат Валерий Николаевич был на него очень похож, но редкостный, эталонный красавец. Будто природа сначала создала эскиз в виде Филиппа, творение понравилось, чуть-чуть доработала, тут смягчила скулы, тут сгладила линию подбородка, слегка добавила блеска и синевы стальным глазам, и вот, пожалуйста, получился великолепный Валерий. Ирина огляделась, ей любопытно было посмотреть на женщину, не побоявшуюся выйти замуж за мужчину с внешностью голливудской звезды, но жена младшего Гаккеля в суд не пришла.

Из окна кабинета Ирина смотрела, как братья курят на крыльце, высокие, стройные, широкоплечие, похожие, как две горошины из одного стручка. И все же лучше они смотрелись по отдельности, ведь классическая красота Валерия подчеркивала несовершенство черт лица Филиппа, но стоило старшему брату улыбнуться, как внешность младшего сразу казалась холодной и немного неестественной.

Оказалось, что у погибшей Вероники нет близких, кроме мужа. Отца она не знала, а мать скончалась в родах, поэтому девочку воспитывали бабушка с дедушкой. Сейчас их уже не было в живых, и никаких других кровных родственников тоже не осталось, некому скорбеть, некому поведать семейную историю молодой женщины. Ирина сглотнула горечь. Бедная Вероника, пришла из ниоткуда и ушла в никуда...

При открытом процессе зал был бы полон подружками молодой артистки, режиссерами, у которых она снималась, и всякой прочей публикой с чистыми намерениями и не очень, и можно было бы вообще не понять одиночества Вероники, оставившей горевать по себе только не очень молодого мужа, который, кажется, больше озабочен судьбой первой жены.

Пристально наблюдая за Ветровым, Ирина не увидела в нем ни ярости, ни злобы к Валерии Михайловне. Что это? Умение держать себя в руках или... В конце концов, Валерия убила не только его молодую жену, но и будущего ребенка, а он улыбается ей, гладит по руке. Неужели достиг таких заоблачных высот великодушия и правовой сознательности, что понимает – возмездие должно осуществлять государство и нельзя наказывать человека больше, чем оно присудит? Убийца и так на скамье подсудимых, получит свое, так что бить поверженного врага подло и мелочно, гораздо красивее проявить к нему милосердие. Как говорит Гортензия Андреевна: «Порядочность начинается с того, чтобы не пнуть, когда можно пнуть».

Сама подсудимая выглядела как обычная сорокашестилетняя женщина, которая следит за собой, но не слишком заиклена на внешности. Модная стрижка, отросшая, но еще не успевшая потерять форму, на свежем миловидном лице почти нет косметики, и фигура расплылась только слегка, в талии, а плечи и бедра вполне еще ничего себе.

У Валерии Михайловны черты лица были довольно простые, не точеные, но светло-голубые глаза сочетались с волосами цвета воронова крыла, а это, говорят, признак аристократизма. Ирина в детстве очень завидовала обладателям такой внешности и страшно расстраивалась, глядя на свою блеклую физиономию, мечтала, как вырастет и покрасит волосы басмой, а на веки нанесет голубые тени и станет похожа на настоящую красавицу. А потом как-то не сложилось, так до сих пор она и щеголяет в своих естественных цветах.

Привлекательность подсудимой, впрочем, не имела никакого значения для процесса. Ирина всматривалась в нее с целью уловить внешние признаки психического расстройства, которые подкрепили бы ее внутреннее убеждение. Понятно, что она не эксперт, и вообще не врач, и ставить диагноз, как говорят врачи, «с порога» она не имеет никакого права. Но с другой стороны, бытие определяет сознание, а образ жизни отражается на внешности, как ни крути. Например, по пышным бокам Светланы Аркадьевны можно догадаться, что она любит покушать, а одутловатое лицо, подсохшие ноги и красная сеточка сосудов в белках глаз Шубникова довольно красноречиво говорят о том, что их обладатель закладывает за воротник.

И в ее собственной внешности наверняка есть какие-то выразительные черты, которых она не замечает, но которые много скажут внимательному наблюдателю.

Дедуктивный метод еще никто не отменял, но как ни вглядывалась Ирина в подсудимую, не находила в ней ни малейших признаков безумия. Каковые, скажем честно, вполне имели право быть у нее после двух месяцев пребывания в психиатрической больнице.

Но нет, Валерия Михайловна вела себя сдержанно, но не заторможенно, взгляд был ясный, живой, а не обращенный внутрь себя, как часто бывает у шизофреников.

Опрятная, скромно одетая, хотя, если вспомнить, из какой она семьи, это, скорее всего, того рода скромность, которая обходится дороже полного гардероба «фирмы».

Нет, никак Валерия Михайловна не походила на шизофреничку с многолетним стажем, хотя в жизни чего только не бывает и верить первому впечатлению никак нельзя. Надо вспомнить, сколько раз она на своем судейском месте ухмылялась украдкой, когда потерпевшие возмущенно восклицали: «Но он совершенно не был похож на мошенника!» Не думают люди почему-то, что те, кто похож на мошенника, далеко не продвинулся в этом ремесле.

Так и сегодняшняя подсудимая просто умела притворяться, что позволило ей много лет не попадать в поле зрения психиатров, вот и все.

Планируя порядок исследования доказательств, Ирина хотела разбить процесс на две логические части. В первой доказать, что преступление совершила не кто иная, как Валерия Михайловна, а во второй оценить состояние ее психики, но тогда пришлось бы нарушить правило, что представители потерпевшей стороны опрашиваются первыми. Филипп Николаевич был вдовцом жертвы и бывшим мужем убийцы, поэтому, черт возьми, имел право присутствовать на процессе. Светлана Аркадьевна во многом права, называя его истинным виновником трагедии и призывая относиться максимально сурово, потому что сиди он со старой женой, то ничего бы и не случилось, но Ирина все равно сочувствовала несчастному мужику и не хотела наносить новых ударов. Поэтому вызвала его первым свидетелем и, хоть процесс был закрытым, разрешила брату присутствовать для моральной поддержки.

Оказавшись на свидетельском месте, Филипп Николаевич рассказал, что тридцать лет прожил с Валерией в счастливом браке, потом они мирно развелись, и он женился на юной актрисе Веронике Павловой. Фамилию она решила не менять из карьерных соображений. Веронику Павлову знают поклонники, Вероника Ветрова тоже прозвучала бы, но это псевдоним, его в загсе не регистрируют, а кто такая Вероника Гаккель – поди еще объясни. Второй брак его был столь же счастливым, как и первый, правда, молодая жена боялась заводить ребенка, потому что ее мать умерла родами, но Ветров, отец двух прекрасных детей и дед четверых замечательных внуков, не особо стремился размножаться. Его вполне устраивала жизнь вдвоем с молодой женой, только природа, как всегда, взяла свое. Узнав о том, что ждет ребенка, Вероника впала в ужас, плакала целыми днями от предчувствия скорой смерти, но прервать беременность тоже не хотела, искала какой-то третий выход, чтобы и не рожать, и не убивать своего ребенка.

Услышав эти признания Ветрова, Ирина покачала головой. Не зря говорят, что мужчины влюбляются в какую-то одну характерную женскую черту. Для одного это вздернутый носик, для другого рыжие волосы, для третьего длинная тонкая шея с завитками волос на затылке.

Для Филиппа Николаевича такой будоражащей чертой являлась, очевидно, психическая нестабильность. В самом деле, ты или будь готова к беременности, или не выходи замуж, тем более за чужого мужа. В монастырь иди, слава богу, советская власть не все позакрывала, а не хочешь, так держи свои страхи при себе. Ирина представила, как отреагировали бы ее первый муж, свекровь да и родная мать, вздумай она закатывать истерики. По щекам бы надавали: «Соберись, тряпка, все рожают, и ты родишь! Ишь, выискалась! Это от безделья у тебя все, слишком много с тобой цацкаемся!» Тряпку в зубы и полы мыть, и после такой бодрящей психотерапии все страхи как рукой снимает.

А в этой семье отношения были другие, инопланетные. Со слов Филиппа Николаевича, он был готов смириться с любым решением жены, только она никак не могла его принять. Ветров растерялся, но тут на помощь пришла Валерия Михайловна, она приехала, поговорила с Вероникой по душам, напонила, что ее муж не только драматург, но и врач, и сын врача, так что никто не даст ей умереть в родах. Все-таки за эти несколько десятилетий медицина сильно продвинулась, сейчас экстренное кесарево сечение является рутинной операцией в любом роддоме, а Веронику положат в самый лучший. Материнская смертность сейчас явление почти полностью изжитое, в родах умирает меньше женщин, чем после операции аппендицита, и то это связано с какими-то тяжелыми сопутствующими заболеваниями, когда врачи запрещают женщине иметь детей, а она действует на свой страх и риск. Да и в этих случаях, даже при самой тяжелой патологии доктора борются за жизнь матери и ребенка до последнего и обычно выигрывают эту борьбу. Мать Вероники, насколько известно, не страдала хроническими заболеваниями, значит, на девяносто девять процентов умерла от ошибки врача, а это, слава богу, по наследству не передается. И вообще, снаряд два раза в одну воронку не падает, если в родах Вероникиной мамы возникло фатальное стечение обстоятельств, то с самой Вероникой это уже совершенно исключено.

От этих речей Вероника успокоилась, помирилась с мужем, которого справедливо обвиняла в своем состоянии, и отправилась на дачу в прекрасном расположении духа, а Филипп Николаевич с легким сердцем отбыл в командировку.

О случившемся он узнал, только вернувшись на родину. Поскольку отзывать его из расположения ограниченного контингента было хлопотно, дорого и небезопасно, командование позволило ему еще целую неделю после трагедии побыть счастливым человеком.

– Судьба, – вздохнул Филипп Николаевич, – от чего бежишь, то тебя и настигает. Наверное, Вероника снова испугалась, что умрет родами, приехала с дачи посоветоваться с Лерочкой, а как все повернулось... В голове просто не укладывается...

Он нахмурился, смахнул ладонью что-то с глаз, но быстро собрался. От Ирины не ускользнул ободряющий взгляд, который Ветров послал Валерии.

«Вероника, Лерочка, какая идиллия, – желчно подумала Ирина, – есть такая черта у сильных мужиков, что они не привязываются к женщинам, а с кем живут, о том и заботятся. Может, оно так и нужно, не вникать, не зависеть, не переделывать под себя... Просто женщинам не надо обольщаться и думать, что он такой ласковый потому, что от тебя без ума. Нет, просто ему так удобнее».

Адвокат спросил, не замечал ли Филипп Николаевич в Валерии Михайловне признаков неадекватного поведения.

Ветров нахмурился:

– Вы имеете в виду сейчас?

– Когда бы то ни было.

Ирина не сомневалась, что вопрос этот был сто раз уже проработан с адвокатом, но Филипп Николаевич все равно замешкался с ответом. Он кашлянул, налил себе воды из графина, покрутил стакан в руках, но пить не стал, видно брезгливость возобладала над желанием потянуть время.

– Я знаю Лерочку всю жизнь, – Ветров поставил полный стакан на место, а Ирина машинально подумала, что надо бы или отмыть содой, или обзавестись новой посудой, – и никогда... Впрочем, счастье слепит. Когда дома у тебя хорошо и спокойно, дети здоровы и веселы, а жена тебе рада, то не возникает, знаете ли, желаний анализировать, а все ли с ней в порядке. Допускаю, что я был не самым внимательным мужем, но в целом мы прекрасно жили. Во всяком случае, никогда я не боялся оставить с Лерой детей одних, значит, и не подозревал у нее каких-то проблем с психикой.

– Что ж вы тогда покинули этот рай? – вдруг вмешалась Светлана Аркадьевна.

– Простите?

– Зачем развелись, если все вас устраивало?

– Ну знаете, некоторые вещи просто происходят, и все.

– Да-да, конечно, – заседательница сделала губы кошечкой, – рука судьбы сначала в один загс закинула, потом в другой.

– Я имею в виду, что мы разошлись по обоюдному согласию и остались друзьями, – любезно пояснил Филипп Николаевич, а Ирина почувствовала, как испаряется ее симпатия к нему.

Как быстро мужики выписывают себе эту индульгенцию, черт возьми! Остались друзьями, и как друг ты должна понимать, что стала старая и в постели больше ни на что не годишься, а так-то да, тридцать лет совместной жизни даром не проходят, мы как были самыми близкими людьми, так и останемся, просто жить я буду теперь с этой молодой красоткой, но какая разница, в конце концов, ведь от мамы я тоже переехал к тебе, но мамой она от этого мне быть не перестала.

Ирина покосилась на подсудимую. Та сидела совершенно спокойно, даже, кажется, улыбалась уголком рта и смотрела на бывшего мужа без всякого негодования.

– А как же история с подменной ребенка? – спросил адвокат, и Ирина наострила уши.

– Так я тогда не присутствовал, мне пришлось отбыть к месту службы за месяц до родов. И Лера ничего не рассказала, когда приехала ко мне. Я бы, наверное, до сих пор не знал, что у Леры был нервный срыв после родов, если бы теща не проговорила.

– Поскольку Марии Васильевны уже нет в живых, то расскажите об этом вы, – произнес адвокат с мягким нажимом.

Ветров не стал отнекиваться и поведал суду, что, получив диплом, сразу отбыл к месту службы, поручив беременную жену заботам тещи и своих родителей. По срокам появление ребенка на свет ожидалось в середине июля, и отец-академик договорился, чтобы с первых чисел в Снегиревке держали под парами отдельную палату, но пока лето только начиналось, и на семейном совете было решено сразу после церемонии вручения диплома отвезти Лерочку на дачу, чтобы девочка дышала свежим воздухом, а мама Маша присматривала за ней и заготавливала чахлаые ленинградские витамины для будущего внука.

С ними поехала Мариша, близкая подруга Валерии, практически сестра. Марию, видно, судьба задумала сделать многодетной матерью, а получилась у нее одна только дочка, поэтому женщина привечала всех ребятишек, попадавших в поле ее зрения. Когда Лера в первом классе села за одну парту с Маришей Огоньковой, дочерью сильно пьющей проводницы, мать не стала костями ложиться поперек их дружбы, а наоборот, приняла заброшенную девочку под свое крыло и помогла выйти в люди. Мариша тоже поступила в медицинский, но не по традиции, как Лера, а по зову сердца и на два года позже, потому что проваливалась на экзаменах, и только заступничество Гаккеля-старшего помогло ей в третий раз. Поэтому Валерия бездельничала, наслаждаясь только что полученным званием советского врача, а Мариша проходила в местной участковой больничке фельдшерскую практику.

До родов оставался еще целый месяц, и Валерия вдруг загорелась идеей ехать к мужу. Чувствует она себя отлично, самолеты в Ташкент летают регулярно, а там до военного городка

рукой подать. Доберется прекрасно, зато не будет чувствовать себя дезертиркой. Другие жены отправляются за своими мужьями в медвежьи углы, и ничего, прекрасно живут и рожают здоровое потомство. В конце концов, зачем они в школе изучали биографии жен декабристов? Чтобы отсиживаться в тепле и уюте, пока мужья надрываются на службе без женской ласки и заботы?

Мать пыталась ее образумить, мол, прежде всего женщина должна думать не о себе и даже не о муже, а о своем ребенке, но Валерия закусил удила. В военном городке есть и роддом, и детская поликлиника, и всяко уж медицинское обслуживание не хуже, чем в дачном поселке, так что совершенно непонятно, почему если она едет в глухомань с мужем, то легкомысленная свиристелка, а если в точно такую же глушь, но с матерью, то образец ответственности и серьезности.

Тут Ирина с трудом подавила смехок. Действительно, существует великое множество людей, желания которых поразительным образом всегда совпадают с государственными интересами, самыми отборными принципами морали и пользой оппонента. Сказала бы мать Валерии честно, что очень хочет увидеть рождение внука, сама забрать его из роддома, понянчить, глядишь, ничего и не случилось бы. Но если свободолюбивое животное загоняют в капкан чувства долга и чувства вины, то оно ногу себе отгрызет, а выберется.

В общем, Валерия схватила сумочку и выскочила на улицу, чтобы ехать в город за билетом на самолет, но от волнения не заметила мчащегося с горки велосипедиста. Дети на великах вообще чувствовали себя хозяевами в дачном поселке, гоняли сломя голову, зная, что взрослые всегда посмотрят на дорогу, прежде чем переходить. Но обуреваемая эмоциями Валерия не посмотрела. К счастью, парнишка на велосипеде среагировал мгновенно, свернул и свалился в канаву. Валерия испугалась, побежала его вытаскивать. Парень выбрался сам, отделавшись парой царапин да оторванной спицей в колесе, а вот у Валерии от волнения начались преждевременные роды.

Ехать куда-то, в Ленинград, а тем более в Ташкент, было уже поздно, Валерию доставили в местный роддомчик на пятнадцать человек, где она через шесть часов благополучно разрешилась мальчиком.

Семейство выдохнуло, но на следующее утро у Валерии возникло сильное кровотечение, связанное с задержкой части последа, так что пришлось делать выскабливание.

Общеизвестно, что у самих врачей никогда не бывает как у людей, именно на них приходится самые нетипичные клинические проявления заболевания, самые редкие осложнения и самые нелепые врачебные промахи, но тут произошла даже не студенческая ошибка, а вопиющая небрежность. Акушер обязан был осмотреть послед и при обнаружении его дефекта сразу произвести удаление остатков из полости матки, не дожидаясь, пока они проявят себя кровотечением.

В день родов старшее поколение благосклонно оценило деревенский роддом, отдав должное его атмосфере и чистоте, но, узнав об осложнении, Гаккель-старший взревел, что его невестка и внук часа лишнего не останутся в этой помойке, позвонил куда надо и организовал транспортировку еще толком не отошедшей от наркоза Валерии вместе с новорожденным сыном в Снегиревку.

Там мать и дитя обследовали лучшие врачи и дали самые обнадеживающие прогнозы. Молодой организм Валерии справился с кровопотерей, а ребенок вообще выше всяких похвал. Да, немножко гипотрофик, но не будем забывать, что он родился на месяц раньше срока. А так здоровенький мальчишка, сейчас быстро наберет массу и станет обычным пухлощеким младенцем с пертяжечками.

Бабушки и дедушка снова выдохнули, но тут Валерия вдруг заявила, что это не ее ребенок. Она не отказывалась кормить, но требовала, чтобы врачи разобрались и поскорее исправили ошибку. Несмотря на слабость после перенесенной кровопотери, она ходила за лечащим

врачом, умоляя разобраться, просила пустить ее в детское отделение, мол, там она узнает своего ребенка, будоражила других мамаш, спрашивая, уверены ли они, что им приносят кормить именно их детей.

В детское отделение, святая святых, Валерию, конечно же, не пустили, но на всякий случай тщательно перепроверили. Все сходилось, клеенчатые бирочки на ручках младенцев все были в порядке, и каждая молодая мать была уверена, что кормит своего собственного ребенка. Валерия предположила, что подмена произошла в дачном роддоме. Добросовестные врачи позвонили туда, но там тоже никто не жаловался и жизнь текла своим чередом.

Валерию это не убедило. Она целыми днями занимала единственный в отделении телефон-автомат, названивая то свекру, то матери, то брату мужа, требуя разобраться и вернуть ей родного ребенка, пока время еще не упущено.

Не помог даже приезд Мариши. На правах практикантки она была с Валерией во время родов, а на следующее утро официально заступила на сутки, так что ни на секунду не выпускала из поля зрения подругу и ее новорожденного сына до момента, как их обоих погрузили в санитарную машину. Девушка, вопреки всем правилам и санитарно-эпидемиологическим нормам допущенная в ординаторскую Снегиревки для свидания с Валерией, клялась и божилась, что ребенок является не кем иным, как сыном Валерии и Филиппа.

Это подтверждалось и объективными признаками – пол ребенка и масса тела совпадали с зафиксированными при рождении (масса тела, естественно, не в точности, но разница как раз укладывалась в естественную динамику веса новорожденного ребенка), а кроме того, по настоянию старшего Гаккеля была даже определена группа крови малыша. Мало ли, например, у обоих родителей резус отрицательный, а у ребенка положительный. Или у обоих первая группа крови, а у ребенка четвертая. Тогда да, можно утверждать, что дитя неродное. Но здесь таких сюрпризов не возникло, у Валерии была вторая положительная, у Филиппа первая положительная, и у малыша тоже определили первую положительную, как у отца. Вполне нормальная ситуация, никаких вопросов.

Что могла противопоставить Валерия этой стройной системе аргументов? Что этот ребенок не похож на того, которого она видела несколько минут, пока его не обработали и не унесли в детское отделение? Но дети меняются ежесекундно. Материнское чутье? Так это вообще штука нематериальная и во всяком случае не доказана научно. Мало ли что кому померещилось и сердце подсказало. Вот кроватка с номером, вот бирочка на ручке. Все нормально, мамочка, не волнуйтесь, социализм – это учет!

– А вы не думали, что жена права и ребенка действительно подменили? – азартно спросила Светлана Аркадьевна. Слишком азартно для народного заседателя.

Филипп Николаевич развел руками:

– Знаете, если бы я не учился в медицинском, то может быть... Но я изучал акушерство, был на практике в роддоме и знаю, какие там порядки. Перепутать младенцев практически невозможно, и даже умышленно подменить, скорее всего, не получится. Нет, это надо просто фантастическое стечение обстоятельств, разгул стихий, военные действия или что-то наподобие, чтобы пробить тройную защиту от дурака, которая в родильных домах Советского Союза соблюдается самым жестким образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.